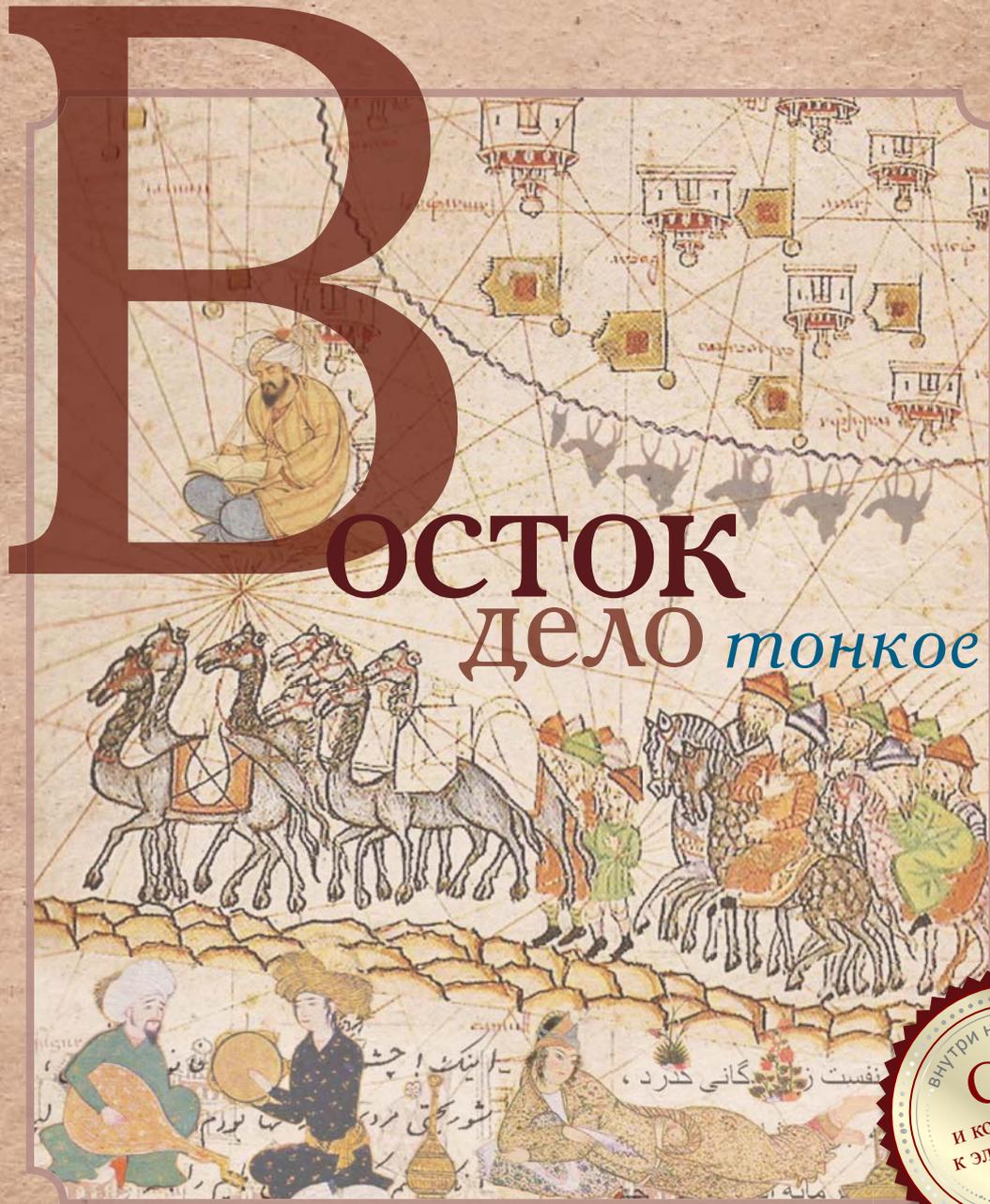

Литература

lit.1september.ru

Как
«Литература»
на восток ездила
с. 4, 58

Между Востоком
и Западом:
что говорят
специалисты с. 8

Как читать
с детьми
китайскую
поэзию с. 23

Восточная
поэзия и
русский
романтизм с. 37

В номере:

События и встречи

- Сергей Волков 4 Сахалинская «Филолошка»
Сергей Волков 7 «Открытая книга»-3 в Челябинске

Интервью у классной доски

- 8 Между Западом и Востоком

Иду на урок

- Алина Позина 20 Знакомство с творчеством Омара Хайяма в седьмом классе
Инна Шолпо 23 Изучение поэзии Ду Фу в восьмом классе
Мстислав Шутан 30 Три урока по поэме Байрона «Корсар»

Штудии

- Дмитрий Мурин 35 Да – скифы мы?
Да – азиаты мы?
Софья Каганович 39 «Слог восточный был для меня образцом...»
Александр Лифшиц 44 Азиатские принцессы в русских переводах XVIII века
Наталья Самохвалова 48 Индия как страна чудес в описаниях античных историков и географов

Репетитор

- Мария Гельфонд 51 Пушкин: взгляд на Восток

Спецпроект

- Константин Рубинский 54 Поэты превращаются...

Есть идея!

- Оксана Смирнова 58 Тексты о Китае на уроках русской словесности

Учительский блог

- 60 Однажды в Челябинске

Книжная полка

- Сергей Дмитренко 62 В.Т. Шаламов. Колымские рассказы: Избранные произведения.

Дополнения к материалам, отмеченным этим значком, смотрите на CD-диске.

Литература

Учебно-методический журнал для учителей словесности
Издание основано в 1992 г.
Выходит один раз в месяц

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
Сергей Волков
Шеф-редактор
к.ф.н. Сергей Дмитренко
Редактор
Александра Кнебекайзе
Дизайн макета
Иван Лукьянов
Обложка
Анна Махотина
Верстка
Галина Струкова
Корректор
Николай Кортон
Набор
Татьяна Семёнова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.ф.н. Е.И. Анненкова (СПб; РГПУ);
д.ф.н. А.Н. Варламов (МГУ);
д.ф.н. В.А. Кошелев (НовгородГУ);
д.ф.н. О.А. Лекманов (НИУ ВШЭ);
д.ф.н. Ю.В. Манн (РГГУ);
д.ф.н. И.Н. Сухих (СПбГУ);
д.ф.н. И.В. Фоменко (ТГУ).

Журнал распространяется по подписке.

Цена свободная. Тираж 28530 экз.

Тел. редакции: **(499) 249-2718**

Тел./факс: **(499) 249-3138**

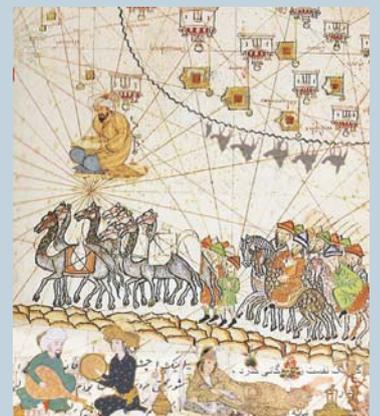
E-mail: **lit@1september.ru;**
lit1@1september.ru

Сайт: **lit.1september.ru**

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:

По каталогу Почта России:
бумажная версия **79072**
электронная версия **12708**

Иллюстрации –
фотобанк Shutterstock
(если не указан иной источник)

На обложке в коллаже
использована древняя карта Китая с сайта
<http://dimma43.narod.ru/photoalbum115.html>

Александр Львович ЛИФШИЦ,
доцент факультета филологии НИУ ВШЭ

Азиатские принцессы в русских переводах XVIII века

В этом увлекательном архивно-библиографическом разыскании сплетаются в немислимый сюжет века, континенты, языки... В конечном счёте это история о том, как важно русскому просвещённому человеку чувствовать себя частью общемировой культуры – неважно, западной или восточной.

22 октября 1742 года происходит очередное зачисление новых солдат из дворян в лейб-гвардейский Семёновский полк. Среди пополнения юный (ему всего 12 лет) Александр Васильевич Суворов, о котором знают все, и такой же, надо полагать, юный Дмитрий Усов, про которого только и известно, что был такой, поскольку в полк поступил вместе с Суворовым.

Прошло почти пять лет, и вот 28 апреля 1747 года командир одной из рот другого знаменитого полка — Лейб-гвардии Конного, — некто Сергей Алексеевич Салтыков просит: «...свойственника моего, солдата Дмитрия Усова, Лейб-гвардии в Семёновском полку истребовать и определить Лейб-гвардии в Конном полку в рейтары». Кем доводился семёновский солдат конногвардейцу, сказать трудно: в те поры дворяне очень хорошо знали своих родственников и свойственников, и нам даже представить сложно, как они умудрялись помнить, за кем второй раз была замужем вдовья тётка бабкиной внучатой кузины и на ком женились внуки её второго мужа от первого брака.

Это время подробного зрения и цепкой памяти ушло вместе со славой красных каблучков и величавых париков. От него остались архивы с ворохами бумаг, в которые далеко не всегда заглядывали исследователи, деревни и села, где когда-то стояли дворянские усадьбы, немногочисленные артефакты и те руины прошлого, которые обычно называют историей.

Написанный прекрасным писарским почерком и подписанный рукой, гораздо больше привыкшей к сабле, чем к перу, лист с просьбой Салтыкова сохранился в архиве среди множества сшитых в толстые растрёпанные тома бумаг полковой канцелярии XVIII столетия, из которых узнать можно, что разыскивается сбежавший пегий кобель, столько-то седел нуждаются в починке, такие-то рейтары — рядовые кавалерийских полков — выключены из полка за дряхлостью и болезнями, а один, укравший рубль у товарища, приговорён пройти сквозь строй. Там же сведения о крупе и соли, наклеенные на бумагу полоски толсто-

го цветного сукна — образцы, расписания караулов, просьбы об отпуске, жалобы, требования, справки — тот бумажный хлам, который порой только и остаётся от человеческой жизни, если от неё, к радости дотошного историка, вообще остаётся хоть что-нибудь.

К счастью, от героя нашего рассказа осталось немного больше.

В упомянутой просьбе ротмистра Салтыкова указано ещё и отчество Усова, он — Дмитрий Тимофеевич. А из других бумаг удалось узнать, что 18 декабря 1753 года его произвели в вахмистры первой роты, а значит до того он успел уже получить первый унтер-офицерский чин капрала. Здесь же значит, что к январю 1754 года вахмистр Усов находился в отпуску в своём доме.

В 1754 году Александр Васильевич Суворов перешёл из гвардии в армию, получив при этом чин поручика, и перед ним открывалась возможность блестящей военной карьеры. А что после 1754 года случилось с Дмитрием Усовым, мы не знаем и, возможно, не узнаем никогда. Но известно, что свой отпуск, в котором мы его и застали, молодой человек проводил с пользой.

▲ Д.Хаберле. Японская кукла и веер

***

Советский поэт Ефим Придворов был библиофилом. Или так: Ефим Придворов был библиофилом, а стихи писал Демьян Бедный, который нас как раз вовсе не интересует, в отличие от человека, носившего этот вульгарный псевдоним.

Итак, Ефим Придворов любил книги, знал в книгах толк, а ещё имел возможность приобретать те книги, которые ему хотелось иметь. Его библиотека была хорошо известна довоенной советской элите. Говорят, порой из неё кое-что брал почитать Сталин, и Ефим Придворов (он же Демьян Бедный) жаловался, что отказать не может, а на страницах потом остаются следы жирных пальцев. Эти жалобы, кажется, и послужили источником строчки из стихотворения Осипа Мандельштама: «Его толстые пальцы как черви жирны...»

Книжки, впрочем, собирали тогда многие.

В собрании Ефима Придворова среди книг XVIII века, напечатанных типографиями Императорской Академии наук или Московского университета, хранится небольшая рукописная книжечка, форматом примерно в половину странички тетради, озаглавленная «История Азиатской княжны Яйвены, королевы Мексической, переведённая с гишпанского на французской в Гаге 1751 года, а с французского перевел Л:Г:К:П:К:Д:Т:У в Москве 1753 октября дня». В какой день октября была закончена работа, не сказано.

Действительно, в Гаге в 1751 году был напечатан роман французского аббата Клода Франсуа Ламбера, который решил мистифицировать читателей, выдав собственное сочинение за перевод с испанского. В Голландии роман был напечатан потому, что французское налоговое законодательство XVIII столетия делало печатание книг во Франции довольно обременительным

для издателей, и они, чтобы не потакать жадности министерства финансов и уберечь собственные карманы от лишних платежей, даже печатая книги на родине, нередко указывали фиктивный адрес: Лондон, например.

Свежая литература из Европы довольно быстро попадала на прилавки книжных магазинов Петербурга, а затем и Москвы, так что нет ничего удивительного, что спустя два года после выхода романа в свет он был переведён. При этом переводчик, конечно, не догадывался о французском, а вовсе не испанском происхождении захватывающего приключения.

Роман назывался «История принцессы Жевэн, королевы Мексики».

К дочери одного из мексиканских королей сватался другой местный правитель, который вследствие своего дурного поведения и нрава получил отказ, после чего пошёл на старого короля войной, убил его и захватил принцессу Жевэн в плен. Однако прекрасный сын Ицеоалта (ещё одного короля), Тобилос, избавляет принцессу из заточения, убивает обидчика и женится на ней. История, однако, на этом не кончается. Младший брат Тобилоса влюбляется в принцессу и сообщает ей ложную весть о смерти мужа. Жевэн не в силах выдержать удара и кончает с собой, Тобилос, узнав об этом, следует за супругой, его отец умирает от горя.

Нам, пожалуй, и не понять, что могло увлекать читателей середины такого далёкого уже XVIII столетия в незатейливой истории. Но, как известно, книжки надо читать вовремя. Непрочитанный в детстве Майн Рид никогда не увлечёт уже старшеклассника, а мы даже не старшеклассники и давно переросли многие из тех романов, которые трогали наших соотечественников, когда они только-только ещё научились читать европейские книги. И разве что желание увидеть себя таким, каким ты был когда-то, и понять что-то важное про себя заставляет взять с полки книгу и вглядываться в строчки, пытаюсь найти в них своё отражение.

Но рукопись из коллекции Ефима Придворова содержит в себе загадки. Что за странную аббревиатуру читаем мы на её заглавной странице?

Собственно, когда-то именно с неё началось наше странствие по архивам, и спустя несколько лет мы знаем, что книгу с французского языка на русский перевёл уже знакомый нам Лейб-гвардии Конного полка капрал Дмитрий Тимофеевич Усов — Л:Г:К:П:К:Д:Т:У.

Не переводчик Министерства иностранных дел или Императорской Академии наук, для которого перевод — его прямая обязанность, который совершенствуется в этом, соревнуясь с другими переводчиками, а просто молодой дворянин, решивший снабдить переводом тех своих товарищей, кто не читает по-французски. Его перевод вовсе не так хорош, чтобы читатель мог наслаждаться игрой слов или изяществом русской фразы. Да и русский язык ещё не столь хорош, чтобы с лёгкостью передавать любовную

болтовню французских героев и живость батальных сцен, разворачивающихся на мексиканских просторах. Но сам дух приключений в экзотической стране точно не мог оставить невзыскательного читателя равнодушным.

Мы привыкли читать напечатанные книги. В крайнем случае готовы мириться с распечатанными на принтере листами или даже машинописью. Планшеты и ридеры при всей их технической изощрённости подражают напечатанной книге. И нам трудно представить себе время, когда переписанная кудрявой и не всегда очень уж разборчивой писарской скорописью книга была в представлении даже людей вполне образованных чем-то вполне естественным, а не досадной заменой напечатанного издания.

У графов Воронцовых и князей Юсуповых, во многих десятках, если не сотнях дворянских библиотек рукописные книги, переплетённые в кожу или попроще — в оклеенный цветной бумагой картон, соседствовали на полках с продукцией немногочисленных русских и многочисленных европейских типографий. Желание прочесть что-то, что ещё не напечатано, оказывалось сильнее трудности чтения скорописного и изобилующего ошибками переписчиков текста.

Мелкие канцеляристы подрабатывали, занимаясь переписыванием книг на продажу. При этом они писали механически, явно не вчитываясь в текст, в котором потом оказывались пропущены строки и даже целые страницы, случайно перелистнутые незадачливым копиистом. В таком тексте союз *ибо* вдруг заменял существительное *небо*, локоны какой-нибудь красотицы оказывались *горными*, потому что переписчик неправильно прочёл эпитет. А ещё представления об орфографии были весьма отличны от того, что предлагали издания Академии наук. В ряде случаев необходимо прочесть фразу вслух, чтобы понять, как согласуются слова в тексте.

Но читателям XVIII века это если и мешало, то не настолько, чтобы заставить их отказаться от увлекательного чтения.

Кстати, книга о мексиканской принцессе была снова переведена, напечатана и даже переиздана, но только в 1765 году, то есть спустя двенадцать лет после того, как её перевёл на русский язык Дмитрий Усов. А это значит, что напечатанный перевод достался уже совсем другому поколению читателей.

* * *

Но почему принцесса Жевэн вдруг стала «азиатской»?

Почему принцесса стала княжной — понятно; не стоит удивляться, что переводчик не слишком хорошо представлял, как образовать прилагательное от *Мексика*, — явно он был один из первых наших соотечественников, кто столкнулся с такой проблемой, и попробовал обойтись без интерфикса *-ан-*. Даже искажённое имя принцессы, которая превратилась в *Яйвену*, объяснимо не слишком хорошо поставленным у Дмитрия Усова французским произношением. Ведь

возможно, что и его учитель, подобно месье Бопре, предпочитал настойку и общение с дворовыми девушками своим прямым обязанностям.

Но почему азиатская? Ведь этого эпитета нет, да и не могло быть во французском оригинале. Всё-таки в середине XVIII столетия Вест-Индию уже никто не путал с Индией обыкновенной. Разве что и у Дмитрия Усова, как у Петруши Гринёва, географическая карта висела без всякого употребления, а других карт и сведений о частях света на протяжении дальнейшего существования ему не встретилось.

Вероятно, впрочем, что причиной возникновения эпитета «азиатская» была ещё одна принцесса, примерно тогда же появившаяся на просторах России.

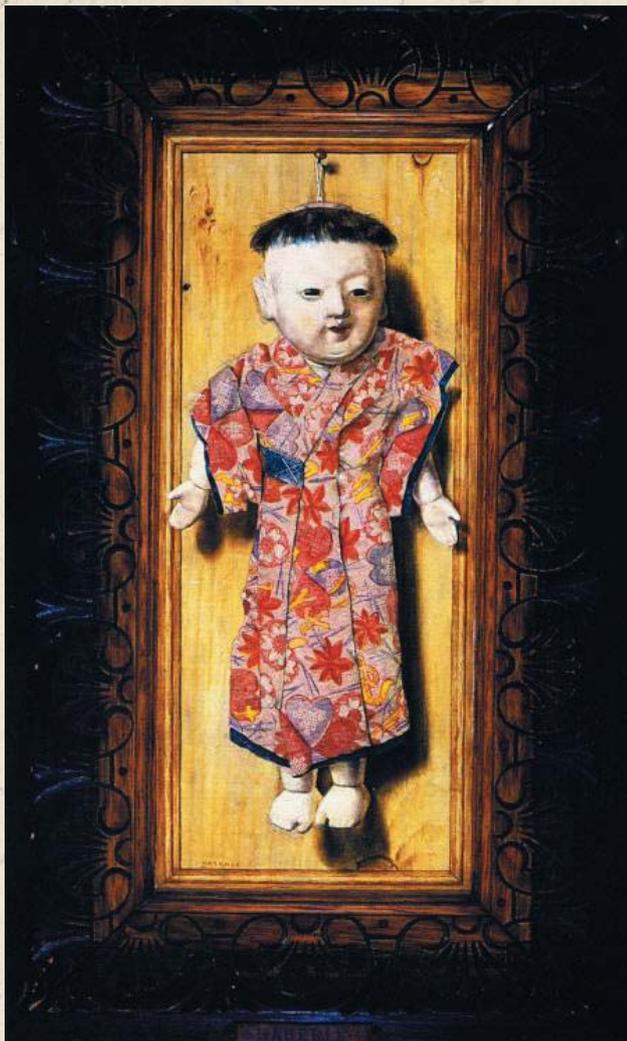
В XV веке, описывая свои странствия по Азии, Афанасий Никитин оставил упоминание о королевстве *Пегу*, до которого он, кажется, так и не доехал. В то время и в следующем столетии королевство Пегу процветало, пока не пало в середине XVI столетия под натиском бирманцев.

Эти драматические события, происходившие на территории современной Мьянмы (Бирмы), оказались в поле зрения европейцев, прежде всего португальцев, осваивавших эти края и пребывавших там в немалом количестве, и были задокументированы. Одним из самых заметных сочинений, в которых рассказывалось о Юго-Восточной Азии (Ост-Индии) середины XVI века, была книга португальца Эрнана Мендеса Пинто «Странствия».

Молодой дворянин вынужден был по некоторым не очень ясным причинам оставить родину и отправился в Ост-Индию, где в течение нескольких десятилетий был то пиратом, то наёмником; он торговал и сам был несколько раз продан в рабство; в конце концов познакомился со знаменитым иезуитом Франциском Ксаверием, был с ним в Японии, под старость вернулся домой и закончил жизнь в крошечном имении, получая такую же крошечную пенсию от португальского короля.

А после смерти записки Мендеса Пинто были опубликованы и почти сразу оказались переведены на основные европейские языки. В XVII—XVIII веках целиком или в выдержках «Странствия» издавались огромное количество раз, а их автор получил репутацию фантазёра, что оказалось неправдой — в XX веке подтвердились самые неожиданные рассказы Мендеса Пинто, — но весьма способствовало популярности книги.

Одним из тех, кто читал книгу Мендеса Пинто (в немецком переводе), и не без пользы для себя, был молодой немецкий писатель Генрих Циглер, который в 1689 году в Лейпциге выпустил в свет роман «Азиатская Баниза» — полную приключений, любовных походов, кровавых сражений и этнографических подробностей историю, разворачивающуюся как раз там, где странствовал Мендес Пинто. А Банизой звали прекрасную принцессу из королевства Пегу, и она как раз была выдумкой романиста.

Роман стал в Германии безумно популярен. За следующие полвека его переиздали десять раз, по мотивам романа были написаны оперы, трагедию написал юный, а вовсе ещё не «важный» Фридрих Мельхиор Гримм, переделки романа ставили даже в кукольных театрах. Один предприимчивый соотечественник Циглера дописал продолжение романа, другой — присвоил имя *Баниза* принцессе из Суссекса, посчитав, должно быть, что роман, в названии которого есть это имя, непременно купят. Так, наверное, и было, поскольку в 1766 году перевод этого произведения был напечатан даже в России.

А сам роман «Азиатская Баниза» был переведён на голландский и шведский языки, чуть позже вышел его пересказ по-французски, а около 1750 года история азиатской принцессы Банизы появилась по-русски и стала распространяться в рукописных копиях.

Из этого текста наши соотечественники могли почерпнуть удивительные сведения о ловле слонов, охоте на крокодилов, способах ведения войны и осаде столицы Сиам. Попутно немало интересного можно было узнать о верованиях бирманцев и о способах казни, о ритуалах погребения и жертвоприношениях. Кроме того, в романе можно было обнаружить очерк по истории экспорта и импорта благовоний и драго-

ценных камней, получить ценнейшие данные об участии европейских и арабских инженеров в военных действиях — словом, в романе «Азиатская Баниза» было всё, что могло понравиться россиянину, который готов был приветствовать в своей стране наступающий Век Просвещения.

Сюжет этого сложно устроенного и многофигурного произведения не так просто пересказать, как незатейливое сочинение аббата Ламбера, но и здесь злобный претендент на любовь принцессы убивает её отца, а саму Банизу держит в заточении, пока прекрасный принц из соседнего королевства не спасает девушку из вражеских рук, расправляясь с жестоким противником, который, кстати, по своим нравственным и физическим особенностям приходится литературным дедушкой небезызвестному Крошке Цахесу Гофмана.

Роман «Азиатская Баниза» был переведён, по видимому, известным переводчиком Академии наук и однокашником Ломоносова Василием Лебедевым, но никогда не печатался. Но, как мы уже знаем, в середине XVIII столетия читатели готовы были мириться с некоторыми неудобствами.

А популярность романа была такова, что Дмитрий Тимофеевич Усов снабдил мексиканскую принцессу эпитетом *азиатская*, явно показывая, что и переведённый им роман содержит немало приключений и стоит того, чтобы его прочитать.

* * *

До начала царствования Екатерины II художественные произведения среди печатной продукции русских типографий занимают ничтожную долю. С 1760-х годов романы, сначала переведённые, потом написанные по европейским шаблонам, а затем порой уже и полностью оригинальные начинают печататься всё больше и больше. Пройдёт не так много времени, и русского читателя будут интересовать не только необычайные приключения в экзотических странах и подробности героических подвигов, но качество русского языка и смыслы, для выражения которых теперь в русском языке есть средства. Ещё чуть больше полвека — и уже русским писателям будет что предложить читающей публике в Европе.

Но начиналось всё во времена Елизаветы Петровны, когда для гвардейских офицеров нанимали «иноземцев» для обучения немецкому и французскому языкам, когда сами офицеры предпринимали усилия, с тем чтобы восполнить дефицит чтения.

Напомним, что вскоре после описанных нами опытов по переводу на русский язык любовно-приключенческих романов, в 1755 году, в типографии Императорской Академии наук в свет вышел первый номер журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», само название которого заявляло о том, что подданные императрицы — не только винтики военной машины, но граждане, имеющие, помимо всего прочего, право на увеселение.